

ФУНКЦИИ МЕТАТЕКСТА В «ИСПОВЕДИ» Ж.-Ж. РУССО

Исследуются функции метатекста как полноценного и завершенного пласта повествования в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. Выявляются жанрообразующая, аналитическая, коммуникативная и структурообразующая функции метатекста.

Ключевые слова: метатекст, метатекстуальность, автобиография, исповедь.

Досліджуються функції метатексту, який є повноцінним і завершеним пластом оповіді у «Сповіді» Ж.-Ж. Руссо. Виділено жанроутворюючу, аналітичну, комунікативну та структуроутворюючу функції метатексту.

Ключові слова: метатекст, метатекстуальність, автобіографія, сповідь.

Functions of metatext in J.-J. Rousseau's «Confessions» are studied in the article. Metatext is considered as a self-sufficient and complete layer of narration. The parts of literary text aiming to reflection and revealing of main literary text creation are defined according to M. Y. Lotman concepts. Genre defining function, analyzing, communicative and structuring functions of metatext are found. Genre defining function is connected to the definition of fictional autobiography's criterions. Metatext analyzing function is aiming to the understanding of the ways of self-representation and self-picturing. Communicative function is called to settle the contact of metatextual level of «Confessions» to the main narrational text as well as to settle the contact to the reading entity. Structuring function gives to the «Confessions» a due uniformity and forms a multi-layer narration as well as multi-entity «I» belonging to author-narrator-hero.

Key words: metatext, metatextuality, autobiography, confessions.

В начале XXI века понятие «метатекст» прочно вошло в современное гуманитарное знание. Термин широко используется в теории литературы, текстологии, теории перевода, лингвистике, семиотике искусства. Наука о литературе, продуцирующая тексты о художественных текстах, в широком понимании также может рассматриваться как некий метатекст.

В литературоведении метатекст определяется как текст о тексте. Метатекстуальные отношения могут возникать как между различными текстами, так и между частями одного и того же текста. Феномен метатекстуальности представляет собой комментирование связи между отдельными текстами или фрагментами одного текста. Метатекстуальность понимается как свойство текста, отражающее сознательную ментальную активность говорящего по отношению к заложенной в тексте информации (Ж. Женетт [5], Н. Пьеге-Гро [11]). Так,

Ж. Женетт в рамках своей известной концепции интертекстуальности определяет метатекстуальность как связь «двух или более текстов в виде комментирующей и часто критической ссылки на предшествующий текст» [5, с. 213].

Одно из магистральных направлений в осмыслении природы метатекста заложено теорией диалога М. Бахтина. Не используя сам термин «метатекст», М. Бахтин тем не менее формулирует ряд концептуально близких ему тезисов в сфере металингвистики. Основу металингвистики в бахтинском понимании составляют отношения субъектов в акте художественной коммуникации. Характер «мета» мыслится как образ существования гуманитарной науки: «Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о слове, тексты о текстах» [2, с. 473]. В отличие от традиционной лингвистики, которая изучает отдельные элементы предложения или его структуру в целом, металингвистика М. Бахтина сосредоточена на диалогических отношениях между высказываниями: «Диалогические отношения (в том числе и диалогические отношения говорящего к собственному слову)» [1, с. 273].

Значительное влияние в науке о литературе имеет структурно-семиотический подход к метатексту, разработанный Ю. М. Лотманом и его научной школой. Согласно концепции Ю. М. Лотмана, метатекст существует везде, где есть адресант, адресат, связывающий их канал и семиотическое пространство. Метатексты актуализируют в сознании адресата определенный текст, так как текст – это процесс, протекающий между сознаниями адресанта и адресата. В авторитетной работе «Роман в стихах Пушкина “Евгений Онегин” из трех типов «чужой речи» Ю. М. Лотман выделяет автоповествование об авторском повествовании и называет его «метаструктурным пластом», решительно меняющим функцию авторского повествования.

Продуктивным для понимания метатекста в нашей статье представляется следующее определение Ю. М. Лотмана: «Метатекстовый пласт – пласт, в котором объектом изображения становится само литературное изображение» [7, с. 434]. Иными словами, к метатексту нами относятся фрагменты художественного текста, направленные на осмысление и отражение процесса создания основного текста.

Для автобиографии как художественной формы «рассказа о себе» категория «метатекста», или мета-автобиографии (по определению Ж.-Ф. Миро [16]), особенно значима. Посредством метатекста автор-творец, с одной стороны, анализирует процесс изображения собственного «я», с другой стороны, реализует общение с адресатом (читателем). Установка на воспринимающую инстанцию – одна из ключевых в эстетике и поэтике автобиографии. Метатекст выступает способом закрепления в культурной памяти определенной информации о пишущем «я». В полной мере природа метатекста проявляется в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, основными характеристиками которой выступают автопсихологизм – самоанализ – самообнажение – самооправдание – самозащита. В метатексте «Исповеди» автор-творец стремится «завершить» формирование образа «я», осуществленное в основном тексте, и в таком «завершенном», окончательно оформленном виде оставить его будущим поколениям читателей.

Задача данной статьи состоит в выявлении функций метатекста, метатекстового пласта (по Ю. М. Лотману) в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. По мнению специалистов [15; 16], «Исповедь» представляет собой важный этап формирования матрицы жанра художественной автобиографии. Прояснение специфики функционирования метатекста в классическом образце позволит глубже понять как природу метатекста в жанре автобиографии, так и феномен художественного самоизображения в целом.

В «Исповеди» метатекст имеет значительные позиции. Он представлен в форме предисловия, многочисленных внутритекстовых комментариев и примечаний. Известно о существовании трёх рукописных текстов «Исповеди». Первый,

находящийся в библиотеке г. Невшателя и датированный 1764 годом, является неполным и содержит три книги, часть четвертой, а также обширное предисловие, которого нет в других вариантах рукописи. Второй текст, полный, называемый парижским, состоит из двенадцати книг и хранится в библиотеке французского парламента. Третья рукопись (1768), составляющая достояние Женевской библиотеки, согласно воле Руссо, считается окончательным вариантом «Исповеди».

Женевский и невшательский тексты «Исповеди» сопровождаются авторскими пояснениями, направленными на манифестацию целей создания «рассказа о себе». Однако в двух вариантах произведения этот метатекст имеет разные формы. Женевская редакция снабжена кратким предисловием в виде обращения к издателям с призывом сохранить рукопись для последующих поколений. Основная же часть авторского самокомментария включена Руссо в пространство художественного текста. В невшательской рукописи обширное предисловие графически отделено от основного текста и предваряет его.

Для исследования метатекста наибольший интерес представляет невшательский вариант, так как в нем ярче эксплицированы авторские установки. Традиционно для автобиографий упоминаются причины создания «рассказа о себе». Руссо применяет принцип парадоксального сочетания аргументов: на самописание его сподвигли, с одной стороны, известность в Европе его сочинений, а с другой – превратные суждения современников о нем самом. Ж.-Ф. Миро называет это уведомительной функцией предисловия, направленной на то, чтобы заинтересовать читателя предлагаемой информацией. Эта функция, по Ж.-Ф. Миро, реализуется в провозглашении документальной, интеллектуальной, моральной или социальной полезности произведения [16, с. 96]. Руссо-автор осознает, что его имя дойдет до будущих поколений и потому стремится сохранить в культурной памяти правдивую, с его точки зрения, информацию о себе. Для него крайне важно, чтобы среди множества суждений современников решающим и наиболее авторитетным для потомков стало его собственное слово о себе. Это одна из главных причин, по которым художественный автопортрет назван «Исповедь» (а не «Моя жизнь», например). Слово «исповедь» подразумевает предельно откровенный рассказ о себе, самообнажение и покаяние в совершенных грехах. Исповедь вызывает ассоциации с церковным обрядом исповедания, с непременным присутствием священника. В художественном самоизображении Руссо трансформирует традицию, наполняя исповедь иным содержанием. Он адресует свой рассказ не священнослужителю и через него – Богу, а людям [12, с. 671]. Ж. Старобинский убедительно показывает, что Бог выполняет у Руссо чисто номинальную функцию, ибо Руссо обращается к нему всего лишь раз – в преамбуле. «Первоначального обращения явно недостаточно, – считает швейцарский ученый, – правдив должен быть каждый эпизод, а Руссо ведь не ссылается на Господа в каждом эпизоде своей жизни» [13, с. 225]. К читателю-современнику, а главным образом к читателю-потомку Руссо обращает рассказ о внутреннем «я» – движениях своей души, переживаниях, тончайших оттенках чувств.

Переход понятия «исповедь» из религиозной плоскости в светскую уже привычно связывают с произведением Руссо [6; 8; 14], хотя начало в этом процессе положено «Историей моих бедствий» (1129) Абеяра, где, по мнению А. В. Поповой, «светский и литературный аспекты берут верх над религиозным» [10, с. 104]. Скорее, понятие «исповедь», приобретая в поэтике Руссо светский характер, закрепляет в ментальности потомков расхождение с традиционным церковным канонem.

В невшательском варианте предисловия к «Исповеди» достаточно подробно зафиксированы методы самоизображения, реализованные в основном тексте. Они формулируют основные черты поэтики жанра автобиографии (заметим, что в индивидуальном воплощении Руссо «Исповедь» становится исповедальной автоби-

ографией): 1) форма повествования от первого лица; 2) «я» как главный объект изображения; 3) ретроспективный способ организации повествования; 4) сосуществование двух временных планов: плана настоящего рассказчика и плана прошлого героя.

Введение в повествование плана повествователя и плана героя в формах «рассказа о себе» осуществляется задолго до Руссо, в «Жизни Бенвенуто Челлини», например, а в начале XVIII века используется романом, имитирующим подлинное жизнеописание – в романах Д. Дефо от «Робинзона Крузо» до «Молль Флендерс» и «Роксаны», у Мариво в романе «Жизнь Марианны». Принципы функционирования временных планов различны: от полной их обособленности до «соположения» (Б. Успенский), когда одно и то же событие описывается последовательно с позиций прошлого, затем настоящего. «Исповедь» включается в традицию использования двойного регистра, и в то же время Руссо ищет новые способы художественного самоизображения.

Характеристики автобиографии, выделенные Руссо, получают статус теоретических лишь через двести лет в известной работе Ф. Лежена *«L'autobiographie en France»* (1971) [15]. Конечно, Ф. Лежен развивает и дополняет руссоистские положения, к тому же во второй половине XX века ученому доступен внушительный ряд автобиографий, созданных после «Исповеди». Все же художественные методы Руссо способствовали плодотворному осмыслению жанра автобиографии, и работы Ф. Лежена в этой сфере признаются наиболее авторитетными на сегодняшний день. Представляется правомерным говорить о жанрообразующей функции предисловия «Исповеди». Декларированные способы самоизображения формируют у читателя соответствующие ожидания, задают модус прочтения «Исповеди» как предельно откровенного рассказа о себе. Руссо, говоря терминологией Ф. Лежена, заключает с читателем «автобиографический пакт». В обмен на максимальную откровенность о себе он хочет получить доверие, понимание и сочувствие читателя.

Метатекстуальные комментарии, размещенные внутри основного текста, образуют композиционное, тематическое и стилистическое целое с предисловием. В них последовательно осмысливаются исповедально-самообнажающая установка, стратегии создания основного текста, анализируется его содержание с точки зрения полноты самоизображения. Вводится причинно-следственная связь между внутренними мотивами поступков героя и самими поступками. По логике Руссо, в основе действий человека, в том числе и неблагоприятных, лежат некие психологические состояния, требующие выявления и осмысления. «Я стараюсь повсюду раскрыть первопричины, чтобы дать почувствовать связь последствий» [12, с. 156]. Стремление понять глубинные психологические свойства индивида стало одной из ключевых характеристик художественного метода «Исповеди». Руссо открывает текучесть сознания, вместо устоявшихся свойств непрерывные модификации и сложные переходы между чувствами, прикасается к проблеме бессознательного. Психологические открытия Руссо столь значимы, считает Л. Гинзбург, что по сравнению с ними психологические представления и сентиментализма, и романтизма кажутся наивными. «Даже реалистический роман далеко не сразу мог дотянуться до задач, предложенных «Исповедью» [3, с. 201]. Поэтому закономерно и вполне объяснимо пристальное внимание к «Исповеди», возникшее во второй половине XX века со стороны психоаналитического направления литературоведения.

Категория памяти как компонент жанровой матрицы автобиографии занимает в «Исповеди» одну из центральных позиций. В метатекстовом пласте подробно анализируется отображение процесса вспоминания прошлого и «я» в нем. Автор-творца интересует, почему различные факты прошлого память фиксирует неодинаково и каким образом функционирует процесс припоминания. В русле сентименталистской эстетики, культивирующей чувство, методом воспоминания Руссо видит ориентацию на переживания, по которым возможно восстано-

вить события. «У меня есть только один верный проводник... – это цепь переживаний... а через них – последовательность событий, явившихся причиной или следствием» [12, с. 243]. В соответствии с этой декларацией строится самоизображение: для личности приоритетным признается чувство, определяющее ее психологию, поступки и характер. Выстраивается логическая цепь: приоритет чувства напрямую соотносится с идеей важности постижения психологических свойств личности и предопределяет контент названия «Исповедь» как изображения внутреннего мира человека. «Непосредственная задача моей исповеди – дать точное представление о моем внутреннем мире», для чего достаточно «заглянуть поглубже в самого себя» [12, с. 243], – пишет Руссо. Аналитическая функция метатекста направлена на тесное взаимодействие с основным текстом, и в совокупности они способствуют реализации творческих задач автора.

Руссо-автор традиционно настаивает на объективности самоизображения, утверждая, что сообщает о себе в равной степени и хорошее, и плохое. «Чтобы хорошо меня знать, надо меня знать со всех сторон – с хороших и дурных» [12, с. 348]. Однако в основном повествовании, особенно во второй части, факты излагаются эмоционально, субъективно, ярко выражено предубежденное и подозрительное отношение героя к окружающим. В этом проявляется одна из черт эстетики художественной автобиографии: диссонанс между заявлениями о беспристрастности и непреодолимой субъективностью. В «Исповеди» это противоречие, возникающее во всей остроте, порождает некую напряженность между метатекстом и основным текстом повествования. Видимая несогласованность несет читателю определенную информацию: во-первых, о желании автора самооправдаться, во-вторых, о его настойчивом стремлении убедить читателя в своей правоте.

Метатекст, или мета-автобиография, в своей анализирующей функции вступает с текстом, или автобиографией, в отношения согласия / несогласия, иными словами, ведет диалог. Вообще метатекст «Исповеди» насквозь диалогичен, причем диалог является разнонаправленным. Помимо основного текста метатекст обращен к самому пишущему, который посредством метатекста рефлексировывает о собственном тексте. Главный же адресат метатекста «Исповеди» – читатель. Непрерывная коммуникация с ним осуществляется как на уровне основного текста, так и в многочисленных комментариях и примечаниях. Чтобы убедить читателя в своей правоте, автор не только общается с ним, но и дает указания по прочтению своего текста. Так, читателю следует «собрать воедино все элементы и определить, каково существо, которое они составляют; вывод должен быть сделан им самим» [12, с. 157]. Часто этот «правильный» вывод «подсказывает» сам автор.

О руссоистской стратегии повествования, направленной на близкое, интимное общение с читателем, пишут Р. Дарнтон [4], А. Моруа [9], не замечая сознательной направленности его. За этой стратегией стоит руссоистская картина мира и человека, стремление сформировать со-понимание и со-чувствие читателя. В своей коммуникации Руссо ориентируется и на сентименталистский тип читателя-друга, и на предромантический тип «недоброжелательного» читателя, и на нейтрально настроенного читателя последующих поколений.

К жанрообразующей, аналитической и коммуникативной функциям метатекста «Исповеди» следует добавить структурообразующую функцию. Композиционно входя в произведение, метатекст образует с основным текстом единое художественно завершенное целое, для которого характерны многослойность повествования и многосоставность «я» автора-повествователя-героя. Сложность «я» обусловлена наличием временных планов «я»-повествуемого в прошлом (героя), «я»-повествующего в настоящем (повествователя), над которыми помещено создавшее их «я» автора-творца. «Я»-повествующее (повествователь) выступает на-

чалом, перемещающимся между противоположными полюсами автора-творца и «я»-повествуемого (героя). В «Исповеди» доминирует временная и идеологическая позиция «я»-повествующего. Основным действующим лицом становится не повествуемый герой, а именно «я»-повествующее, так как большая часть текстового пространства заполнена изображением процесса вспоминания и его трансляции читателю. Три ипостаси «я», вступая в разного рода отношения между собой, образуют сложный и противоречивый, иногда парадоксальный характер персонажа Жан-Жака Руссо. Руссо-писатель создает свой образ таким, каким он видится ему и каким он хочет остаться в памяти потомков.

Метатекст «Исповеди», или мета-автобиография, представляет собой единый художественно завершенный пласт произведения, выполняющий следующие функции: 1) жанрообразующую функцию, связанную с формулировкой основных критериев художественной автобиографии; 2) аналитическую функцию, направленную на осмысление способов саморепрезентации и самоизображения; 3) коммуникативную функцию, призванную установить контакт метатекстового уровня «Исповеди» с основным текстом повествования и с воспринимающей инстанцией; 4) структурообразующую функцию, придающую «Исповеди» необходимое единство формы и способствующую формированию многослойности повествования и многосоставности «я» автора-повествователя-героя. Дальнейшее изучение специфики метатекста в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, а также в других автобиографиях могло бы стать перспективным направлением будущих работ.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин : собр. соч. : в 7 т. Т. 6. – М., 2002.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М. : Художественная литература, 1986. – 543 с.
3. Гинзбург Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Л. : Художественная литература, 1977. – 441 с.
4. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Р. Дарнтон. – М. : Новое литературное обозрение, 2002.
5. Женетт Ж. Палимсесты: Литература во второй степени / Ж. Женетт. – М. : Наука, 1989. – 230 с.
6. Исупов К. Г. Исповедь: к определению термина [Электронный ресурс] / К. Г. Исупов. – Режим доступа : http://antropology.ru/ru/texts/isupov/confess_01.html
7. Лотман Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 2003. – 847 с.
8. Михайлова М. В. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) [Электронный ресурс] / М. В. Михайлова. – Режим доступа : http://antropology.ru/ru/texts/michailova/confess_02.html
9. Моруа А. Литературные портреты / А. Моруа. – М. : Прогресс, 1970. – 454 с.
10. Попова А. В. Мемуары Ф.-Р. де Шатобриана и проблема исповедального жанра / А. В. Попова // Античність – Сучасність (питання філології). – Вип. 3. – Донецьк : ДонНУ, 2003. – С. 103–111.
11. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро; пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. К. Косикова. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
12. Руссо Ж.-Ж. Исповедь / Ж.-Ж. Руссо : избран. соч. : в 3 т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1961. – Т. 3. – 727 с.
13. Старобинский Ж. Интерпретатор: движение к успеху / Ж. Старобинский // Поэзия и знание. История литературы и культуры. – Т. 1. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 217–277.
14. Уваров М. С. Архитектоника исповедального слова / М. С. Уваров. – СПб. : Алетейя, 1998. – 243 с.
15. Lejeune Ph. L'autobiographie en France / Ph. Lejeune. – P. : Armand Colin., 1971, 1998, 2003. – 192 p.

ВІД БАРОКО ДО ПОСТМОДЕРНІЗМУ. 2014. Випуск XVIII

16. *Miraux J-Ph.* L'autobiographie. Ecriture de soi et sincérité / J-Hh. Miraux. – P. : NATHAN, 1996. – 127 p.

Надійшла до редколегії 12.02.2014 р.